

Научная статья

УДК 82

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-1/26-32>

ДУАЛИЗМ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПАСХАЛЬНЫХ РАССКАЗАХ А. КУПРИНА

Данил Витальевич Сердюк

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аспирант кафедры новейшей русской литературы, serdyuk.danil89@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению трех пасхальных рассказов А. Куприна «По заказу», «Бонза» и «Пасхальные яйца». Рассматривается изменение канона пасхального рассказа посредством внедрения в отечественный календарный жанр элементов буддийской религии. Анализируются смыслообразующие для жанра мотивы пасхального подарка и детского образа.

Ключевые слова: русская проза XX века, А. Куприн, пасхальный рассказ, Восток, Запад, буддизм, жанровый канон, пародия, образ ребенка

Для цитирования: Сердюк Д.В. Дуализм западной и восточной культуры в пасхальных рассказах А. Куприна // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 1. С. 26–32.

Original article

DUALISM OF WESTERN AND EASTERN CULTURE IN A. KUPRIN'S EASTER STORIES

Danil V. Serdyuk

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Postgraduate Student, Contemporary Russian Literature Department, serdyuk.danil89@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of three Easter stories by A. Kuprin “By order”, “Bonza” and “Easter eggs”. The change in the canon of the Easter story through the introduction of elements of the Buddhist religion into the domestic calendar genre is considered. The motifs of the Easter gift and the child's image that form the meaning of the genre are analyzed.

Key words: Russian prose of the twentieth century, A. Kuprin, Easter story, East, West, Buddhism, genre canon, parody, image of a child

For citation: Serdyuk D.V. Dualism of Western and Eastern Culture in A. Kuprin's Easter Stories // Far Eastern Philological Journal. 2024. V. 2, № 1. P. 26–32. (In Russ.).

Будучи главным праздником русского православия, Пасха не могла не оставить свой след и в русской культуре и литературе. Такие церковные тексты, как «Слово о законе и благодати

митрополита Илариона», апракос, гимнография, литургическая драма и притча, выражали важные смыслы Светлого праздника и заложили литературную основу для появления пасхального рассказа. Уже в первой трети XIX века были сформированы основные разновидности текстов с пасхальным сюжетом: во-первых, это художественные мемуары с описанием праздника, а также научные исследования по этнографии и фольклористике; во-вторых, это «простонародный» рассказ с этнографическими вставками; в-третьих, это мистические повести, среди которых есть тексты пасхального содержания; в-четвертых, это поэтические тексты, где важную роль занимает образ Христа. Особую роль на этом раннем этапе формирования жанра играет «Светлое воскресение» – последняя глава «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя. В данной главе классик указал на удивительное несоответствие пафоса и смысла праздника тому реальному положению вещей, когда христианские идеалы живы только в мечтах, а не в делах людей.

Как жанр русской литературы пасхальный рассказ окончательно сформировался к концу первой половины XIX века. Первое произведение данного жанра принадлежит перу А.С. Хомякова, который в 1844 году перевел на русский язык «Рождественскую песнь в прозе» Чарльза Диккенса, однако книга была издана под другим заглавием «Светлое Христово Воскресенье». Уже в этой книге можно обнаружить основные черты пасхального рассказа, а именно: назидательный характер, духовно-нравственное перерождение (воскрешение) героя, «приуроченность времени действия к Пасхальному циклу праздников» [7, с. 256]. К концу XIX века пасхальный рассказ стал массовым жанром газетно-журнальной беллетристики. Редакторы регулярно заказывали для пасхальных номеров очередную рассказ. Массовость жанра привела к тому, что к нему начали относиться иронически – в печати нередко можно было найти юмористические или даже пародийные пасхальные рассказы.

На развитие жанра пасхального рассказа в начале XX века повлияли два фактора – политическая ситуация и развитие литературы модернизма. Это влияние можно увидеть не только в содержании пасхальных рассказов, но и в наполнении праздничных номеров. Пасхальные выпуски газет и журналов старались разместить на своих страницах самые значительные произведения модернистской литературы: «это могли быть и отрывки из будущих книг, и варианты уже опубликованных произведений» [1, с. 316]. Например, в пасхальном номере «Русского слова» были опубликованы новые главы романа Мережковского «Александр I», а в газете «Речь» были напечатаны варианты «Чем люди живы» и «Архангела» Л.Н. Толстого, а также «Забытое и новое о Достоевском» К. Чуковского. Напомним, что периодические издания позиционировали праздничные выпуски как подарок на Пасху и размещение качественного литературного материала усиливало ценность такого подарка.

Но модернисты отнюдь не доминировали в календарной литературе. На одних и тех же страницах можно было встретить произведения и модернистов и реалистов. Как отмечает Хенрик Баран: «в праздничных номерах и специальных выпусках на одних страницах с Сологубом, Ивановым и Кузминым выступали Толстой, Куприн, Горький, Бунин, Мамин-Сибиряк» [1, с. 317].

Однако, как считает исследователь, «писателям реалистического направления, за малым исключением, плохо давались религиозная тема и изображение чудес, так как они привыкли в своих художественных построениях опираться на научно-материалистические представления» [1, с. 302]. Понятие чудесного редуцировалось: все сверхъестественные события или оправдывались бытовым мотивом – алкоголь, помешательство, самовнушение, или просто

игнорировались. Таким образом, возникал конфликт между художественными принципами писателей и законами жанра.

А. Амфитеатров в 1908 г. в заметке «Пасхальная памятка» говорил об этом: «Писать Пасху трудно. Надо верить, т. е. чувствовать воскресшего Христа как трепещущий символ единения восторженного человека с пробужденною природою. А где в литературе взять таких верующих людей? За исключением названных, все русские изобразители Пасхи – либо более или менее искусные декламаторы и притворщики под веру, им чуждую, либо Пасха для них – лишь далекий и красивый фон, на котором возникают и проходят интересующие их прекрасные поэтические фигуры» [Цит. по: 1, с. 303].

Взглянув на творчество наиболее крупных писателей начала XX века, тех, кто обращался к пасхальному жанру, мы обнаружим следующую тенденцию – каждый из них выбирает для себя один единственный способ нового взгляда на ставший уже классическим жанр: Горький пишет рассказы анти-пасхальные, намеренно профанируя смысл святого праздника, Аверченко концентрируется на пародии, деконструирует принципы построения пасхального рассказа, Сологуб, как и многие другие символисты, увлекавшиеся религиозной философией Соловьева и теософией Штайнера, демонстрирует нетрадиционное восприятие христианства, к пасхальному наследию Андреева всецело можно применить цитату из Амфитеатрова. Особняком стоит только А.И. Куприн, он смог соединить все вышеперечисленные способы «нового взгляда» и при этом сохранил нравоучительную основу и сентиментальную интонацию жанра.

Всего Куприным написано десять пасхальных рассказов и два пасхальных воспоминания. Среди пасхальных рассказов юмористические: «Бонза» (1896), «Пасхальные яйца» (1911), «Папаша» (1916), пародийные: «По заказу» (1901), «Травка» (1912), «Святая ложь» (1914), приближенные к классическим: «По-семейному» (1910), «Леночка» (1910), «Инна» (1928). В контексте нашей темы восточных мотивов обратимся к рассказам «Бонза», «Пасхальные яйца» и «По заказу». Первые два рассказа относятся к юмористическим, а последний – к пародийным.

Начнем с рассказа «По заказу». Главный герой – писатель, умудренный долгими годами литературной деятельности, несмотря на весь свой многолетний опыт, не может создать заказанного ему пасхального рассказа. Вдохновение приходит к герою, когда он вспоминает начало своей писательской карьеры и то, как во имя личных амбиций он пожертвовал женой и ребенком. Раскаявшийся в грехах прошлого, писатель погружается в собственные размышления, но на ум ему приходит не Библия, а «величественное изречение Сакья Муни, воплотившее в себе человеческую мудрость всех веков и народов: “Кто осушил слезы на лице ребенка и вызвал улыбку на его уста, тот в сердце милостивого Будды достойнее человека, построившего самый величественный храм”» [12, с. 37]. С одной стороны, поместить в рассказ, полностью построенный на западной культуре, то есть на христианстве, мысль востока выглядит как авторское новаторство, с другой стороны, мысль эта представлена так, чтобы в ней находились точки пересечения с этой культурой. Слова Будды подчеркивает мотив детства – один из самых главных мотивов жанра пасхального рассказа.

Данный мотив играет важную роль и в рассказе Куприна. На протяжении всего повествования герой-писатель часто упоминает о детях, причем всегда с негативной коннотацией. Дети могут быть реальными: «Он даже никогда не перечитывал своих фельетонов, прежде чем отослать их с типографским *мальчиком* в редакцию» [12, с. 24]; «не менее заманчив отчет о благотворительном спектакле, устроенном в пользу *сирот* севастопольских инвалидов» [12];

«ну и опоздает, и получит трепку ради праздника, а потом в газете заметка о зверском обращении. Так тебе и надо, канальский *мальчишка!*» [12, с. 27]. Они могут быть вымышленными (сочиненными): «Эти *мальчишки* почему-то раздражают Илью Платоновича» [12]; «Арефьевым вдруг овладевает странная, незнакомая ему до сих пор душевная усталость и непобедимое отвращение ко всем этим изнуренным *мальчикам*» [12]. Но в момент раскаяния герой вспоминает, что когда-то сам был ребенком из бедной семьи, и становится ясно, что его детские годы – это реальное воплощение тех искусственных слезных историй, над которыми он нещадно измывается, и даже то слово, какое он подбирает для самоописания, это постоянно употребляемое им слово «мальчишка»: «Он – дьячковский сын Ильюшка, веселый, беззаботный, вертлявый уличный *мальчишка*, жадно глотающий все впечатления своего могучего полуживотного бытия» [30].

Еще одна важная деталь: на столе главного героя стоит бюст Шопенгауэра – западноевропейского философа, чьи труды отмечены интересом к буддистской мудрости. Этот бюст намечает мотив дуализма западной и восточной культуры. Интересным образом эта деталь (бюст) используется в пасхальном рассказе Куприна «Папаша», в нем на голову генерала в Пасху падает бюст Монтеスキе, одного из основателей либерализма, после чего генерал из добродушного либерала превращается в строгого консерватора, чем отравляет жизнь подчиненных.

«По заказу» не случайно отнесен нами к поджанру пародийных пасхальных рассказов. Обратимся к истории данного поджанра. Сначала в праздничных номерах газет и журналов стали появляться статьи, в которых автор предлагал читателю рецепт календарного рассказа. На самом деле, следуя советам такой статьи, никакого рассказа написать было нельзя, автор только высмеивал штампы жанра. Так, в газете «Речь» в 1909 г. было напечатано следующее руководство для молодых писателей за авторством Иосифа Оршера: «Всякий человек, имеющий руки, двугривенный на бумагу, перо и чернила и не имеющий таланта, может написать рождественский рассказ. Нужно только придерживаться известной системы и твердо помнить следующие правила: 1) Без поросенка, гуся, елки и хорошего человека рождественский рассказ не действителен. 2) Слова “ясли”, “звезда” и “любовь” должны повториться не менее десяти, но и не более двух-трех тысяч раз. 3) Колокольный звон, умиление и раскаяние должны находиться в конце рассказа, а не в начале его. Все остальное неважно» [Цит. по: 1, с. 291]. Автор данного руководства не только выдерживает юмористическое настроение, но и намеренно обманывает читателя: последний пункт явно относится к рассказу пасхальному, а не рождественскому. О подобном неразличении родственных жанров календарной литературы еще будет сказано дальше.

Помимо статей размышления над тем, как правильно писать пасхальный рассказ, «пробрались» и в текст повестей. Готовые формулы теперь проговаривались не самим автором, а звучали из уст его героев. Иллюстрацией послужит рассказ «По заказу».

Сюжет был описан выше, поэтому сразу перейдем к цитатам: «Неужели он, Арефьев, не в состоянии написать простого пасхального рассказа, в то время когда самый захудалый репортер, заведующий обыкновенно бешеными собаками и буйными извозчиками, уже, наверно, успел стащить в редакцию, пользуясь привилегиями, существующими для праздничных произведений, какого-нибудь внезапно раскаявшегося ростовщика или старуху, “мирно засыпающую вечным сном под радостный звон колоколов”» [12, с. 35].

«Нужно пролить ту самую слезу, которую в дамских повестях проливают, сваливая ее на слишком крепкий табак, старые полковники по окончанию чувствительного рассказа» [12].

Далее герой начинает обрисовывать придуманный сюжет более подробно, так что получается текст в тексте, но намеченный рассказ оказывается неудачным, и автор отказывается от придуманного. Подобно этому примеру писатель и далее продолжает записывать набольшие этюды к каждому сюжету. «Нет, будем последовательны и разберем спокойно, на какие сюжеты самый большой праздничный спрос. Ну-с, раньше всего, конечно, легкомысленная жена, возвращающаяся к покинутому мужу с первым ударом колокола» [12, с. 36]. Но и этот сюжет оказывается неудачным. «Затем следует солдат, стоящий в пасхальную ночь на часах» [12, с. 37]. История с солдатом, по мнению героя, надежная и проверенная, но и этим он не удовлетворяется.

«Что же еще?.. Недурно тоже заморозить на улице нищую девочку, глядящую в ярко освещенные окна богатого дома» [12, с. 38], «Впрочем, это из рождественских тем – и потому в сторону» [12]. Данный фрагмент отражает ту путаницу, что часто возникала в сознании читателя, воспитанного массовыми журналами и их календарной литературой, пестрящей штампами и банальностью. Есть здесь и сатира над теми самыми «захудалыми репортёрами», которые повязли в литературской поручке настолько, что разница между вчера и сегодня, между Пасхой и Рождеством стирается. Выше мы уже приводили аналогичный пример неразличения жанров календарной литературы в статье Иосифа Оршера. В конце рассказа, когда на смену проповеди Христа приходит изречение Будды, Куприн поднимает ещё одну тему – размываются границы не только художественного сознания, но и сознания религиозного.

Отметим также, что помимо данных зарисовок автор подчеркивает те чувства, какие должен затрагивать пасхальный рассказ: милосердие, нежность, тихую радость, волнение и умиление. Причина, по которой герой Куприна не смог развить ни один из вышеперечисленных сюжетов, заключается в том, что у него есть формальное понимание устройства жанра, но в душе его нет тех чувств, какие должен вызвать рассказ. Удивительно, как в рассказе «По заказу» серьезное уживается с иронией и даже с издевкой. Автор использует контраст, он представляет читателю пасхальный сюжет, в котором напрямую проговаривается вся искусственность жанра, и в то же время сам, следуя канонам, отходит от созданной им пародии, чтобы закончить повествование на трогательной ноте. Пародия становится для Куприна не только способом обрисовать литературные штампы и сказать читателям о том, что жанр достиг определенной черты развития, но и способом отбросить жанровые стереотипы, обнажив искренние чувства и переживания, утверждаемые великим праздником. Примечательно, что буддийская интенция возникает только в том фрагменте текста, когда переход от деконструкции жанра к утверждению его канона совершен. Автор словно снимает жанровые ограничения, чтобы утвердить «милосердие, нежность, тихая радость» как категории не исключительно пасхальные (христианские), но и восточные, и шире – общечеловеческие.

Восток возникает и в другом пасхальном рассказе Куприна «Бонза». В основе сюжета – воспоминание главного героя о несправедливом обвинении в том, что он якобы разбил на пасху фарфорового бонзу – свадебный подарок его сестры. В обиде на старших главный герой фантазирует, как он уйдет от них в монастырь. Здесь есть неявное сопоставление, так как бонза – это буддийский монах в Японии. Таким образом фарфоровый монах оказался так же хрупок, как и мимолетная фантазия мальчика стать монахом. Неочевидная для ребенка, но вполне ясная для читателя параллель между двумя монахами, а именно японским, выраженным в бронзовой статуэтке, и русским, выраженным в фантазиях мальчика, вновь создает, на первый взгляд, неуместное соседство двух противоположных культур. Как и в рассказе «По заказу»,

Куприн, во-первых, вновь обращается к буддизму, во-вторых, не прибегает к ориентализму, в-третьих, вводит канонический для пасхального рассказа мотив детства. Нельзя не отметить, что в рассказе «Бонза» восточная тема звучит тише, чем в рассказе «По заказу», автор не упоминает о буддизме напрямую, не оперирует цитатами из священных текстов, а только дает смысловую параллель двух образов, но при этом оставляет акцент композиционный: эпизод с разбитой фигуркой и последовавшими за ним размышлениями ребенка помещен в развязку, а название японской статуэтки вынесено в заглавие рассказа.

Интересно, что японская статуэтка выступает в роли пасхального подарка, и даже эпизод с ее уничтожением – архетипичный поворот сюжета в пасхальных рассказах. Как было сказано ранее, профанация литературных штампов для Куприна не самоцельна. Рядом с традиционным для жанра развитием действия инородные восточные элементы контрастируют более ярко. И в третьем, юмористическом, рассказе Куприна «Пасхальные яйца» автор вновь чередует иронические и серьезные интонации. Восточная тема вновь возникает в тот момент, когда ироническое восприятие жанра уходит на второй план и автор желает провести важную для него мысль. Герой жалуется на свою несчастную жизнь, и в его речи проскальзывает следующая мысль: «Приходится смириться, закрыть глаза, не дышать, спрятаться куда-нибудь в угол, накрыться с головой одеялом и терпеливо ждать смерти в надежде, что при будущем земном воплощении судьба, вместо спины, повернется к тебе лицом» [13, с. 96]. На протяжении всего рассказа данная мысль никак не развивается, однако смысл ее указывает на одно из главных религиозных представлений Востока – реинкарнацию. Эта категория восточной культуры ассоциируется, отчасти, с христианским Воскресением. Таким образом, в рассказах «Пасхальные яйца» и «По заказу» автор обращается к религиозным образам Востока неслучайно: он обнаруживает общие идеи и применяет их для утверждения не сугубо христианских и не исключительно восточных истин. Его интересуют точки пересечения мировых религий: чистота детского восприятия, монашество, представление о перерождении души.

Список литературы

1. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века: сборник авториз. пер. с англ. Москва: Издат. группа «Прогресс»–«Универс», 1993. 368 с.
2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем. В 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. 744 с.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. Москва: Худож. лит., 1984. 319 с.
4. Голодников М. Как пишутся пасхальные рассказы // Сибирская жизнь. 1910. 18 апреля. № 86. С. 3–4.
5. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. Москва: Кругъ, 2004. 560 с.
6. Жиркова М.А. Пасхальные рассказы А.И. Куприна // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 1. С. 275–295. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.10522>
7. Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 249–261. EDN: RUYJWR
8. Козина Т.Н. Пасхальный рассказ в русской словесности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 376–380. EDN: NDRNTT
9. Козина Т.Н. Жанр пасхального рассказа в историко-культурном процессе // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 6А. С. 29–34. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.50.38.004>

10. *Козина Т.Н.* Эволюция пасхального архетипа: монография. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2019. 80 с.
11. *Куприн А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. Рассказы. Произведения 1889–1896. М.: Правда, 1964. 512 с.
12. *Куприн А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. Рассказы. Произведения 1901–1905. М.: Правда, 1964. 379 с.
13. *Куприн А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. Рассказы. Произведения 1908–1913. М.: Правда, 1964. 427 с.
14. *Макеева О.В.* Специфика рождественских рассказов Куприна // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. 2019. № 4(14). С. 58–63. EDN: JHMMBQ
15. *Николаева С.Ю.* Пасхальный текст в русской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Литературный институт имени А.М. Горького. М., 2004. 264 с.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 02.02.2024.

The article was submitted 04.12.2023; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 02.02.2024.